

Пасилецкая Александра Сергеевна

соискатель кафедры истории России
Кубанского государственного университета

**ПРАКТИКИ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ
ПРОФЕССОРОВ-МИГРАНТОВ
В КУБАНСКИХ ВУЗАХ В 1920-Е ГГ.**

Аннотация:

1920-е годы – сложный и неоднородный период истории, когда представители интеллигенции были заняты поиском своего места в социальном пространстве. В первые и последние годы десятилетия профессора наиболее остро чувствовали потребность в том, чтобы приспособиться к новой ситуации с целью сохранения жизни и благополучия. Комплекс использованных источников характеризует как особенности условий, сформировавшихся в Краснодаре, так и плюрализм поведенческих решений вузовской профессуры.

Ключевые слова:

научная интеллигенция, высшая школа, поведенческие практики, студенчество, советское общество, кубанские вузы, профессора-мигранты, социальная адаптация.

Pasiletskaya Alexandra Sergeevna

PhD applicant, Russian History Department,
Kuban State University

**THE SOCIAL ADAPTATION PRACTICES
OF MIGRANT PROFESSORS IN KUBAN
UNIVERSITIES IN THE 1920-S**

Summary:

The 1920-s is a complicated and non-uniform period of history, when representatives of the intelligentsia were looking for their place in the social space. In the early and the late years of the decade, professors felt the need to adapt to new conditions for the purpose of preservation of life and wellbeing. A number of the sources used characterize both specific situation developed in Krasnodar and pluralism of behavioural decisions of higher school professorship.

Keywords:

academic intelligentsia, higher school, behavioural practices, students, Soviet society, Kuban universities, migrant professors, social adaptation.

События начала XX в. оказали значительное воздействие на настроения социальных групп Кубани. После Первой мировой, революции 1917 г. и Гражданской войны юг страны казался более благоприятным регионом для дальнейшей жизни и деятельности. Тяжелое экономическое положение, нехватка продовольствия вследствие означенных событий заставили многих ученых Москвы и Петрограда покинуть центр, где уже установилась советская власть. Так, в 1918–1919 гг. многие деятели науки оказались в Екатеринодаре, к этому времени здесь действовало деникинское «белое» правительство.

Усилиями осевшей на Кубани интеллигенции были основаны первые высшие учебные заведения. В учреждении и дальнейшей их работе были задействованы известные представители науки, начавшие свою деятельность еще до революции. Профессорский состав был представлен такими учеными, как Б.Л. Розинг, М.В. Ключков, Н.А. Ленский, Э.П. Цытович и др. [1, л. 140 об.].

Но уже в 1920 г. происходит ликвидация «белого» правительства, устанавливается советская власть, что не могло не отразиться на интеллигенции. Такое сосредоточение старой профессуры в системе образования не отвечало интересам советской власти. Для нового государства нужны были обновленные кадры с соответствующей идеологией [2, л. 1]. Политическое размежевание ученых с мнением правящего эшелона усиливалось ввиду экономических затруднений. Постреволюционная разруха и следствия недавних войн незамедлительно отразились на материальном положении населения. Голод, холод в столицах, подселения в академические квартиры, обыски, во время которых нередко изымались не только ценности, но и предметы быта, запасы продовольствия, отсутствие самого необходимого – безусловно, это угнетающе воздействовало на ученых [3, с. 26].

Покинув Москву и Петроград, научная интеллигенция столкнулась через время с теми же трудностями и в Краснодаре. Финансовая ущемленность, нехватка продовольствия, проблемы жилищного характера – все тот же комплекс проблем обострился и на Кубани.

В первые годы советской власти продовольственный вопрос был одним из самых острых. На заседании областного правления союза работников просвещения в 1921 г. приводились неутешительные данные. Ситуация в Краснодаре начала принимать поистине трагический характер. В распоряжении правления имелись факты, свидетельствовавшие об обморочных состояниях, самоубийствах и умопомешательствах работников просвещения на почве хронического недоедания и голода [4, л. 13].

Общее финансовое обеспечение большей части преподавательского состава оставалось удручающим. Кроме того, проводились постоянные реквизиции имущества в рамках политики

ущемления буржуазии. После подобных мероприятий ученые, которых причисляли к категории «буржуа», зачастую оставались без самых элементарных принадлежностей для быта. Проблемы жилищного характера были не менее актуальны. Несмотря на то что квартиры преподавателей вузов не подлежали уплотнению и за ними сохранялось право на свободную комнату в качестве личного кабинета, все это не мешало подвергать эти квартиры расселению.

Многие из кубанских преподавателей ощутили на себе произвол подобного рода. Один из них – Борис Федорович Шанько – был достаточно далек от идеала «советского ученого». По словесной принадлежности – казак, до революции имел участок в 1 100 кв. сажен, знал французский, немецкий, английский. Взгляды его тоже не были советскими. К 1920 г. семья преподавателя состояла кроме него самого из жены и ее сестры (с грудным ребенком), двух дочерей и большой матери [5, л. 40, 41, 87].

Несмотря на эти достаточно веские обстоятельства, в апреле 1920 г. в занимаемую им квартиру явились квартирьеры и заявили, что весь дом будет занят под персонал госпиталя. Справка о том, что его квартира не подлежит реквизиции, не принималась во внимание. Заведующий районным жилищным отделом заявил, что они «на декреты внимания не обращают, а в случае надобности могут поступать и не считаясь с директивами» [6, л. 21].

Некоторые из числа ученых до конца верили в возможность получения защиты со стороны центральной власти, предполагая, что все ущемления и лишения – это особенности местного произвола. Очевидно, в это верил и профессор Кубанского политехнического института Иван Серафимович Подольский [7, л. 21]. Он также не избежал экономических трудностей, продовольственных и имущественных лишений в начале 1920-х гг. Как преподаватель и профессор не подлежал уплотнению и расселению и также имел право на отдельный домашний кабинет, которое никем не учитывалось. В течение нескольких недель практически ежедневно к нему в комнату наведывались обследователи квартир, требуя его немедленного выселения. Не считая возможным при таких тяжелых условиях заниматься умственным трудом, ученый просил разрешения на выезд в Москву, где, как он считал, будут более спокойные условия для работы [8, л. 45]. В апреле 1922 г. он добился командировки в Москву [9, л. 62, 67, 70]. Но к сроку Подольский так и не вернулся. Он направил в институт заявление со следующим содержанием: «Вследствие систематического неполучения содержания и академического пайка в течение многих месяцев вынужденного существования я не могу более оставаться профессором Кубанского политехнического института» [10, л. 72].

Нельзя отрицать тот факт, что для первых лет советской власти подобные притеснения в отношении краснодарской профессуры были массовым явлением. Как указывается в докладной записке инспектора о Кубано-Черноморских вузах, 1920/21 учебный год характеризуется наличием большого числа тяжелого академического веса личного состава. Но в том же 1921 г. для всех вузов появляется одна характерная черта – особые кубанские политические условия, создавшие небывалые гонения на ученых в форме «гольмониады» [11, л. 196 об.].

В конечном счете такая «социальная политика» повлекла за собой массовый отток с Кубани кадровой профессуры. Большое количество ученых покинули Краснодар за период 1921 – январь 1922 г. вследствие неполучения жалования, ущемления, конфискации жилья и имущества и полной невозможности существования. Так, например, под видом рабочих командировок и прочими способами за указанное время уехали и не вернулись 36 человек из преподавательского состава политехнического института. Среди них было много достаточно известных имен: С.А. Захаров, Т.П. Кравец, Г.К. Покровский, А.А. Радциг, Н.А. Шапошников [12, л. 39] и пр.

Конечно, такое радикальное решение научной интеллигенции подвергалось критике. Отмечалось, что отдельные работники вузов «слишком эгоистически» смотрят на существование институтов и руководствуются лишь своими персональными интересами. Например, в начале марта 1921 г. заслуженный профессор Головин, «предпочитая собственное спокойствие, уехал в Бакинский институт, поманивший его куском белого хлеба» [13, л. 199 об.].

Все же угроза закрытия вузов вследствие нехватки кадрового состава послужила причиной для ослабления давления на интеллигенцию. Правительство остро ощущало потребность в научных работниках, а ученые в свою очередь понимали, что, находясь в подконтрольном положении, необходимо найти тот баланс, который позволит жить и работать при советской власти.

Одним из явных примеров тому может служить судьба профессора Е.М. Жадкевича. Несмотря на многие аспекты его биографии, консенсус между ученым и властью был найден. Евгений Михайлович Жадкевич происходил из семьи дворянина, в 1900 г. окончил гимназию, обучался в Лозаннском университете на 5-м курсе медицинского факультета. В 1908–1911 гг. служил в старой армии, с 1920 г. – в составе профессоров-преподавателей в Краснодаре. Достаточно пестрая биография для советского ученого, но она не помешала ему в дальнейшем стать членом, а затем и депутатом горсовета в Краснодаре. Более того, с 1945 г. Жадкевич становится членом ВКП(б) [14, л. 6, 44–45].

И такие случаи совсем не единичны. Конечно, подобное дореволюционное прошлое не могло остаться незамеченным. В этих ситуациях зачастую прослеживается склонность к редактированию своей биографии. Какие-то моменты жизни замалчивались, а какие-то явно выпячивались. Такой случай можно наблюдать на примере преподавателя истории и истории кооперации профессора Константина Николаевича Старцева. Для него в этом была большая необходимость, чем, скажем, для медика или инженера. А.Н. Еремеева на этот счет считает, что уже в 1920-е гг. в ученых-гуманитариях видели прежде всего противников партийно-государственной политики [15, с. 56].

Так, К.Н. Старцев в своем жизнеописании (начала 1920 г.) пишет, что окончил мужскую гимназию в Симбирске в 1904 г., затем Петроградский университет по юридическому факультету в 1911 г. В 1918/19 учебном году преподавал в Северо-Кавказском политехническом институте [16, л. 6]. Через два года, в 1922 г. свое жизнеописание Старцев дополнит некоторыми подробностями из своей биографии. А именно он указывал, что два раза был подвержен аресту по политическому делу и исключен из университета за участие в студенческих беспорядках [17, л. 23]. Такие дополнения должны были подчеркнуть оппозиционность ученого к царскому режиму еще с юных студенческих лет. Если же такого несогласия в реальности не было, таким образом создавали видимость оного.

Эти меры предосторожности были не случайны. С первых лет своего существования органы власти внедрили в практику заполнение различных анкет для выявления чуждых представителей в отношении к советской власти. Так как положение виделось неудовлетворительным, в 1924 г. ЦК РКП признал необходимым немедленно провести меры к усилению преподавательского персонала вузов коммунистическими силами [18, № 909, с. 1].

С политикой свертывания НЭПа завершается и период относительно мирного и спокойного сосуществования научной интеллигенции и советского общества. Как отмечают историки, «прозвучали требования изъять реакционных профессоров из вузов, заменить их новыми кадрами в строгом соответствии с классово-линейной» [19, с. 53].

Работа комиссий по обследованию вузов Краснодара выявила достаточно высокий процент кадров, подлежащих изъятию. Установленная причина заключалась в том, что организованные институты в 1918–1921 гг. состояли из тех ученых, кто бежал на юг и остался здесь после ухода «белых». Как отмечалось в отчете комиссии за 1928 г., это обстоятельство определило физиономию научных работников этих вузов и отражалось известное время на составе студенчества [20, л. 1–3].

Не менее показательным является осуществление самого контроля над педагогическим персоналом. Например, оценка работы преподавателей педрабфака производилась не без помощи комсомольцев. Студенческая оценка оказывала немалую долю влияния на характеристику работы преподавательского состава. Так, в процессе работы за 1928/29 учебный год выяснилось, что не все сотрудники пригодны для работы на рабфаке. Например, преподаватель биологии Боур [21, л. 29 об.] оказался совершенно непригодным для преподавания в стенах рабфака. Преподавание предмета Боуром велось на непонятном для студентов языке, методы его работы не соответствовали аудитории, в процессе работы он проявил сугубо пристрастное отношение к студентам. Или, например, Д.П. Шилов как преподаватель истории классово-линейной борьбы [22, л. 1 об.] в прошлом учебном году оказался идеологически невыдержанным. Посещение церкви Шиловым вызывало возмущение со стороны студентов. Студенты жаловались и на преподавателя Бурыкина, что он идет по линии наименьшего сопротивления. Не удовлетворял студентов также и слишком медленный темп его работы, вытекающий из характера самого преподавателя [23, л. 165–166].

За такой оценкой от студенческих групп последовали увольнения всех означенных выше преподавателей, ведь доверие к студенту-комсомольцу было значительно выше, чем к беспартийному профессору. Как заявляли особо идейные члены президиума, студенчество в своей сознательности растет с каждым годом и в общей своей массе к делу оценки работы преподавателей может подойти только деловито [24, л. 14].

Подобные заявления в виде обличающих выпадов на профессию в 1920-е гг. систематически стали появляться и в печати. Свой взгляд на методы преподавания, на истинность взглядов профессора или его не соответствующую норме биографию студенты высказывали в передовицах местных газет. Так, например, в одном из номеров журнала «Красное студенчество» 1928 г. появляется статья обличительной направленности. В критическом очерке под заглавием «Наши «учителя»» один из студентов с большим энтузиазмом распознает в профессорах классового врага. «Профессор Цытович – бывший воспитатель бывшего цесаревича Алексея, один из организаторов бойскаутизма в России, преподает физику в Краснодаре. Но в 1919 г., когда трехцветное знамя политической реставрации развевалось над Кубанью, Цытович – жрец чистой науки – выпустил катехизис молодого фашиста «Русский бой-скаут»» [25, с. 28].

Доносы на преподавателей в местную комячейку или печатный орган от внимательных студентов стали к этому времени распространенным явлением. Только предпочитали это называть не доносом, а проявлением бдительности и гражданской сознательности перед советским обществом. Кроме того, к 1930 г. газетные выпады перерастают в обвинительные заявления о сопричастности того или иного ученого к крупномасштабным событиям в Москве и Ленинграде. Разоблачающие процессы по выявлению антисоветской контрреволюционной интеллигенции двигались по направлению «центр – периферия», охватывая местные вузы и профессуру. Такие меры позволили начать массовое искоренение «буржуазной» интеллигенции Краснодара в 1930-е гг., которая основала и развивала высшее образование все предыдущее десятилетие.

Итак, резкие общественные изменения 1920-х гг. создали новую действительность, которая приходит на смену прежним устоям. Утрата привычного образа жизни и необходимость соответствовать новым социальным нормам ставят интеллигенцию перед выбором тактики адаптации. Первые и последние годы десятилетия – это периоды формирования разнообразных стратегических решений, способов их реализации и наличие наиболее активных тактических форм поведения ученых. Сложившиеся условия в разной мере довели над профессурой. И эта степень зависела от частных особенностей их воззрений и положения. Ввиду этого формировалась своя оценка ситуации, учитывались приоритетные потребности сегодняшнего дня, складывалась особая логика действий и поведения, что и определило различия адаптационных процессов.

Ссылки:

1. ГАКК (Гос. арх. Краснодар. края). Ф. Р-229. Оп. 1. Д. 21. Л. 140 об.
2. ЦДНИКК (Центр документации новейш. ист. Краснодар. края). Ф. 17. Оп. 1. Д. 63. Л. 1.
3. Еремеева А.Н., Рожков А.Ю., Стругова М.Р. Наука и власть: кубанский контекст (1917–1941). Краснодар, 2010. С. 26.
4. ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 181. Л. 13.
5. ГАКК. Ф. Р-229. Оп. 1. Д. 631. Л. 40, 41, 87.
6. Там же. Л. 21.
7. ГАКК. Ф. Р-229. Оп. 1. Д. 436. Л. 21.
8. Там же. Л. 45.
9. Там же. Л. 62, 67, 70.
10. Там же. Л. 72.
11. ГАКК. Ф. Р-229. Оп. 1. Д. 21. Л. 196 об.
12. ГАКК. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 944. Л. 39.
13. ГАКК. Ф. Р-229. Оп. 1. Д. 21. Л. 199 об.
14. ГАКК. Ф. Р-1585. Оп. 1. Д. 1. Л. 6, 44–45.
15. Еремеева А.Н., Рожков А.Ю., Стругова М.Р. Указ. соч. С. 56.
16. ГАКК. Ф. Р-229. Оп. 1. Д. 539. Л. 6.
17. Там же. Л. 23.
18. Преподавание в вузах считается партийной обязанностью // Молот. 1924. № 909. С. 1.
19. Еремеева А.Н. Культурная жизнь Кубани в XX веке. Краснодар, 2013. С. 53.
20. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 508. Л. 1–3.
21. ГАКК. Ф. Р-346. Оп. 1. Д. 1186. Л. 29 об.
22. ГАКК. Ф. Р-346. Оп. 1. Д. 1187. Л. 1 об.
23. ГАКК. Ф. Р-346. Оп. 2. Д. 2783. Л. 165–166.
24. Там же. Л. 14.
25. Шлемиль П. Наши «учителя» // Красное студенчество. 1928. № 9. С. 28.

References:

- Eremeeva, AN 2013, *The cultural life of the Kuban in the XX century*, Krasnodar, p. 53, (in Russian).
Eremeeva, AN, Rozhkov, AY & Strugova, MR 2010, *Science and power: Kuban context (1917-1941)*, Krasnodar, p. 26, (in Russian).
Shchlemil, P 1928, 'Our "teachers"', *Krasnoye studenchestvo*, no. 9, p. 28, (in Russian).
'Teaching in higher education is considered to be the responsibility of the party' 1924, *Molot*, no. 909, p. 1, (in Russian).